

«Алый рубин» в «драгоценном уборе»

(М. Кузмин, М. Петровых, Ю. Кублановский о К. Бальмонте)

В особый год 150-летия со дня рождения русского поэта Константина Бальмонта предлагаем погрузиться в феномен Бальмонта через мирочувствование выдающихся поэтов – наших земляков – Михаила Кузмина, Марии Петровых, Юрия Кублановского, уроженцев земли Ярославской.

Особое место в этом ряду занимает современник Бальмонта – **Михаил Кузмин**, для эпохи Серебряного века ставший знаковой фигурой.

Поэт, прозаик, драматург и композитор Михаил Алексеевич Кузмин (1872 – 1936), родившийся в Ярославле, был моложе Бальмонта на пять лет. Подобно Бальмонту, опубликовавшему программную статью о символизме «Поэзия как волшебство», Кузмин обосновал в статье «О прекрасной ясности»

(Апполон, 1910, № 4) сформировавшееся в недрах акмеизма новое течение «кларизм». Яркий представитель этого направления, Кузмин провозгласил принцип «прекрасной ясности», реального и конкретного изображения в процессе создания образов и представления цепи перевоплощений. Для поэта было важно описать чувственный ряд, ощущения, без чего человек, по его мнению, не может жить и быть счастливым.

Мотив ощущения катастрофы, характерный для стихов символистов, был ему чужд. В то же время переломная эпоха заставила и Кузмина пройти ряд этапов религиозных исканий и серьезных жизненных испытаний. Около пятнадцати лет он посвятил своему образованию: под руководством Н. Римского-Корсакова учился в Петербург-

ской консерватории (1891 – 1893), изучал немецкий и итальянский языки, погружался в религию Востока и христианство. Он совершил поездку в Египет и в Италию, где изучал церковную музыку. Эти познания проявились в его литературном творчестве, которое «открывается» то на страницах культуры Александрии, то Древней Эллады или Востока.

Бальмонт создал творческий портрет Кузмина-путешественника во времени и пространстве:

В Египте преломлённая Эллада,
Садов нездешних роза и жасмин,
Персидский соловей, садов услада
Запали в глубь внимательного взгляда, –
Так в русских днях возник поэт Кузмин...
[1].

Кузмин об основоположнике символизма опубликовал статью «Бальмонт», пожалуй, одну из лучших, которой открывается мартовский номер журнала «Жизнь Искусства». В ней Кузмин определяет место Бальмонта в русской литературе: «Бальмонт принадлежит к самому дерзкому, юному периоду символизма, периоду ещё до «Весов», до «Скорпиона».

<...> Прошло тридцать лет, и имя Бальмонта, внушавшее обожание одним, другим ужас, непомерное увлечение и непонятие, затем наслаждение (такова участь всяческих кумиров), теперь сделалось твёрдым, чистым, любимым. Поэзия русская без него немыслима, как драгоценный убор без алого рубина, как оркестр без флейты-заклинательницы, как сад без розы» [2, с. 2].

Вопреки оценкам некоторых критиков, Кузмин уверен, что поэзия Бальмонта на протяжении более четверти века остаётся свежей: «Он знает не только магию поэзии, но и секрет молодости... Перед нами всё тот же капризный, юный, влюблённый, дерзающий поэт, не переживший ещё затянувшегося периода «бури и натиска»» [2, с. 2].

«Нежный, капризный, требовательный, артистичный, пламенный, может быть, несносный, Бальмонт – поэт, поэт и поэт.

Трижды поэт и исключительно поэт», – утверждает Кузмин. (В «Слове о Бальмон-

те» Марины Цветаевой по поводу 50-летия литературной деятельности Бальмонта (1936) аналогичное суждение воплощается в ёмкую, афористичную поэтическую формулу: «У Бальмонта, кроме поэта в нём, нет ничего. Бальмонт: поэт: адекват <...>

На Бальмонте – в каждом его жесте, шаге, слове – клеймо – печать – звезда – поэта» [3, с. 60].) Кузмин восхищается снова и снова: «Бальмонт, к счастью, остаётся всегда поэтом, даже когда магия его менее чувствуется. Эту силу поэзии, может быть, больше, чем кто-либо, он сознаёт и сам, утверждая поэзию как волшебство» [2, с. 2].

Кузмин находит родство бальмонтовской поэзии с народным творчеством: «Его удел – прекрасными, настойчивыми, колдовскими повторами, напевностью, почти стихийною (и вместе с тем такою личною, капризною, влюблённою, неповторяемою) силою призывать небо на землю» [2, с. 2].

В слове о Бальмонте отражается восприятие М. Кузминым феномена этого неповторимого Поэта: «...Бальмонт, обречённый поэт, соловей, влюблённый в своё искусство, отчасти в себя самого, не может и не хочет видеть другой личности, других людей, внешних предметов; всё для него – в его чувстве, даже не в чувстве, а в неопределённых волшебных волнах магических звуков поэзии» [2, с. 2].

Внимательный читатель отметит, что и Михаилу Кузмину не чуждо чувство самолюбленности и самолюбования, которое в полной мере отразилось в его стихотворении «Мой портрет»:

Любовь водила Вашею рукою,
Когда писали этот Вы портрет,
Ни от кого лица теперь не скрою,
Никто не скажет: «Не любил он, нет».

Клеймом любви навек запечатленны
Черты мои под Вашею рукою;
Глаза глядят, одной мечтой плененны,
И беспокоен мёртвый их покой.

Венок за головой, открыты губы,
Два ангела напрасных за спиной.
Не поразит мой слух ни гром, ни трубы,
Ни тихий зов куда-то в край иной.

М. Кузмин. Фотография, подаренная Г. И. Чулкову в 1911 году.

Г. Чулков, М. Петровых, А. Ахматова и О. Мандельштам

Лишь слышу голос Ваш, о Вас мечтаю,
На Вас направлен взгляд недвижных глаз.
Я пламенею, холодею, таю,
Лишь приближаясь к Вам, касаясь Вас,

И скажут все, забывши о запрете,
Смотря на смуглый, томный мой овал:
«Одним любовь водила при портрете —
Другой — его любовью колдовал» [4].

Известно фото Михаила Кузьмина, подаренное поэту, прозаику и переводчику, литературному критику Георгию Чулкову (1879 – 1939). Его ещё называли организатором литературной жизни времён Серебряного века и создателем теории мистического анархизма. Чулков оставил живой и очень зримый образ Бальмонта в своём эссе «Годы странствий». Перед нами предстаёт непредсказуемый, удивительный Бальмонт на выставке Сезанна в Париже (1911): «Одарённый богато волшебной музой, успевший изведать немало эстетических яств и в Европе, и в экзотических странах, этот капризный поэт мог иногда вовсе не заметить чего-нибудь важного и, напротив, восхититься каким-нибудь бедным цветком или каким-нибудь случайным лирическим признанием. Так и на этот раз он не заметил Сезанна, а выйдя на крыльцо шато, вдруг пришел

в восторг от “запах солнца” и, схватив за руку меня и свою спутницу (Е. К. Цветковская), требовал, чтобы мы устроили тут же непременно хоровод во славу Аполлона» [5, с. 88].

Сохранилось фото Георгия Чулкова в окружении Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама и нашей ярославны Марии Петровых. Такая вот «рукопожатная» фотография – привет и от Кузьмина, и от Бальмонта через двадцать лет той, что знала Бальмонта только по рассказам современников и его творчеству.

Поэт **Мария Сергеевна Петровых** (1908 – 1979) родилась в Норском Посаде, под Ярославлем. Она современница Бальмонта, но, очевидно, никогда не встречалась с поэтом. Бальмонт навсегда покинул Россию в 1920 г., а Петровых переехала в Москву в 1925 г., поступив на Высшие литературные курсы. Также маловероятно, что семилетняя Мария могла присутствовать на лекции Бальмонта в Ярославле в октябре 1915 г. Однако в звёздном окружении Петровых знали и оставили воспоминания о Бальмонте многие: Илья Эренбург, Максимилиан Волошин, Борис Пастернак, Осип Мандельштам. И это яркое интересное путешествие в Серебряный век – отдельный предмет для разговора.

Бальмонтским духом пронизаны воспоминания близкой подруги Марии Петровых – Веры Клавдиевны Звягинцевой (1894–1972). Звягинцева – поэт, переводчик, после окончания драматической школы выступала на сцене Театра им. Мейерхольда. Вера Звягинцева оставила воспоминания о

Бальмонте, написанные в 1927 г.

«... В качаньи и лёгкости этих строк, да ещё гонимых почтенным «Русским богатством», мне чудилась какая-то магия:

Как немые изваянья

В искрах лунного сиянья...» [6, с. 73].

Это первое впечатление 15 – 16-летней Веры Звягинцевой от прочтения стихов Бальмонта. Затем «созревание души и вкуса увело» её от Надсона и Апухтина к Лермонтову и Блоку:

«... Бальмонт уже не нравился мне водянистым и холодноватым распевом, пустотой любовных (в сущности, очень безлюбных) смыслов.

Но тень магии осталась вокруг имени-прозвища Бальмонт» [6, с. 73]. Вера Клавдиевна признавалась: «Эта фамилия, похожая на название птицы или растения, мне предстала со страниц “Русского богатства”» [там же, с. 73].

Звягинцева впервые увидела «королевский выход» Бальмонта в Политехническом, затем – на вечере писателей «Летучая мышь». А на репетиции «Севильского обольстителя» испанского драматурга Тирсо де Молина в переводе Бальмонта с участием Звягинцевой присутствует сам поэт и Марина Цветаева. Юная поэтесса и актриса напишет: «Он узнаёт об одном моём сне, где из солнца выделяется его лицо...» [там же, с. 74].

И, наконец, Вера Звягинцева навещает поэта, заболевшего воспалением лёгких, дома: «Поэт лежит, как [будто] позируя...

<...> Волны волос лежат прелестным руном. Клетчатый плед. Маленькие изящные ручки <...>

<...> ему нравится побыть в роли Дон Жуана, больного короля, обиженного женщинами поэта. <...> Я ухожу в восхищении от этой безобразной и прелестной, похожей на диск солнца, головы – обветренной ветрами всех земель и всех океанов, и в смущении от комической величавой лирики этой аудиенции» [там же, с. 75].

Мифические истории, воспоминания витали в поэтическом окружении Петровых – неслучайно и появление стихотворения, написанного в 1967 г., в год 100-летия со дня рождения К. Д. Бальмонта. Оно переклика-

ется с бальмонтовским – из сборника «Под Северным небом» (1894):

Одна есть в мире красота.
Не красота богов Эллады,
И не влюблённая мечта,
Не гор тяжёлые громады,
И не моря, не водопады,
Не взоров женских чистота.
Одна есть в мире красота –
Любви, печали, отреченья,
И добровольного мученья
За нас распятого Христа [7, с. 40].

М. Петровых

М. Петровых:

Одна на свете благодать –
Отдать себя, забыть, отдать
И уничтожиться бесследно.
Один на свете путь победный –
Жить как бегущая вода:
Светла, беспечна, молода,
Она теснит волну волною
И пребывает без труда
Всё той же и всегда иною,
Животворящею всегда [8, с. 193].

На поэтическую перекличку двух поэтов обратила внимание бальмонтовед Татьяна Сергеевна Петрова, доцент Шуйского государственного педагогического университета. На основании обнаруженных

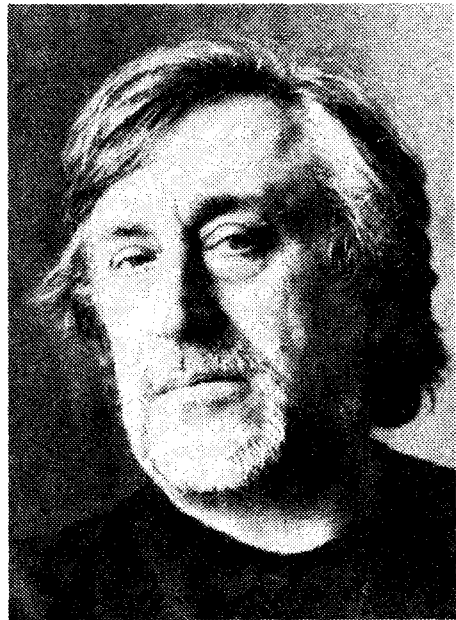
в данных текстах соответствий (ритмомелодических, смысловых, образных, композиционных) исследователь заключает: «К. Бальмонт через отрицание преходящего и суетного приходит к утверждению высшего нравственного и онтологического идеала – жертвы Христа как основания жизни вечной. М. Петровых в своём поэтическом рассуждении выражает отклик живой человеческой души на завещанное Христом. Вся логика её лирического размышления о земной человеческой жизни определяется христианскими заповедями, идеями и образами; их отражение в стихотворении Петровых соотносено с бальмонтовским текстом: любви и отреченью Христа соответствует стремление человека “отдать себя, забыть, отдать” и избрать путь вечно животворящей воды. Этот выбор можно интерпретировать как путь безоглядного служения ближнему, нерассуждающей любви. В то же время олицетворённый образ бегущей воды отражает и духовное движение человека, просветлённость его живой души. Эта мажорная светлая тональность убедительно венчает “сокровенный разговор” двух поэтов...» [9, с.300–301].

Поэт **Юрий Михайлович Кублановский** (р. 1947), уроженец Рыбинска Ярославской области, чья судьба изгнанника, политического эмигранта, схожа с судьбой Константина Бальмонта, упоминает о нём в ассоциативном ряду первой строфы стихотворения, написанного 15 августа 1978 г., в котором также присутствует образ воды:

Волн голубичный свет
с гладью у горизонта.
Сон, скандинавский бред
Стриндберга и Бальмонта.

Холод встаёт со дна,
в каменной тонет чашке.
Ты на ветру одна
в светлой до пят рубашке.

Всё в полотне твоём
с листьями по подолу
шепчет – что мы вдвоём.
Страшно достать спидолу.

Ю.М. Кублановский

Сквозь густоту помех,
трески и неполадки
новость одна на всех:
это срока посадки.

Это – суды в Москве
с тьмью в лубяньских шхерах,
с лазерами в траве
возле скамеек в скверах [10].

С участием Юрия Кублановского (наряду с поэтом Евгением Рейном, филологом, профессором МГУ Олегом Клином, писателем, филологом Ниной Щербак) 27 октября 2017 года по телеканалу «Культура» состоялась авторская передача Игоря Волгина «Игра в бисер», посвященная 150-летию со дня рождения Бальмонта. Важным дополнением к этой телевизионной программе является оценка творчества Бальмонта, данная Ю. Кублановским специально для участников Бальмонтовских чтений 12 декабря 2017, которые и приводим ниже с любезного разрешения поэта: «Всё посленекрасовское время – через поэзию Фофанова и Надсона – наша поэзия приближалась к такому лирическому явлению как Бальмонт. Прямая смесь поэтической волшбы, эротики и освободительных обличений пришлись ко времени и по вкусу российскому обществу, вступившему в последний – «серебряный» период своего цветения. Бальмонта обыч-

но сравнивают с Валерием Брюсовым. И впрямь: в их темах и мелодике много общего. Но Брюсов, по сути, – рационалист, тогда как Бальмонт – импрессионист и в пейзаже, и в чувстве. Толика наивности, за которую так любила его Цветаева, выгодно отличает Бальмонта от Брюсова. Дети Серебряного века, и они, и их младшие современники, были не по-детски расплющены революцией, которую они на свою голову призывали.

Бальмонта погрузила в сумасшествие жизнь на чужбине. Но обаяние его лирики и по сегодня с нами» [11].

Юрий Кублановский для чтения в «Игре в бисер» выбрал стихотворение Бальмонта «Здесь и там», которым и завершим размышления о переключке поэтов-ярославцев в отношении замечательного поэта, ощутившего себя русским в любой земле.

Здесь гулкой Париж и повторны погудки,
Хотя и на новый, но ведомый лад.
А там на черте бочагов незабудки
И в чаде давнишний алкаемый клад.

Здесь вихри и рокоты слова и славы,
Но душами правит летучая мышь.
Там в пряном цветеньи болотные травы,
Безбрежное поле, бездонная тишь.

Здесь в близком и в точном расчисленный разум,
Чуть глянут провалы, он шепчет: Засыпь.
Там стебли дурмана с их ядом и сглазом,
И стонет в болотах зловещая выпь.

Здесь вежливо холодны к Бесу и к Богу,
И путь по земным направляют звездам.
Молю Тебя, Вышний, построй мне дорогу,
Чтоб быть мне хоть мёртвым в желаемом там [12, с. 426].

Примечания:

1. Кузмин М. А. Избранные произведения. Л., 1990. – С. 5.

2. Кузмин М. К. Д. Бальмонт // Жизнь Искусства. – 1920. – № 399. 16 марта. С. 1–2.

3. Цветаева М. Слово о Бальмонте (Выступление по поводу 50-летия литературной деятельности поэта) // Константин Бальмонт глазами современников: [Сборник / Вступит. ст. Л. Н. Таганова; сост. А. Ю. Романова]. – СПб, 2013. – С. 59 – 68.

4. Кузмин М. А. Мой портрет // Кузмин М. А. Стихотворения / Вступит. ст., сост., примеч. Н.А. Богомолова. – СПб., 2000. – С. 14.

5. Чулков Г. Годы странствий (Фрагменты) // Константин Бальмонт глазами современников: [Сборник / Вступит. ст. Л. Н. Таганова; сост. А.Ю. Романова]. – СПб, 2013. – С. 86 – 88.

6. Звягинцева В. Бальмонт // Константин Бальмонт глазами современников: [Сборник / Вступит. ст. Л. Н. Таганова; сост. А. Ю. Романова]. – СПб, 2013. – С. 73 – 74.

7. Бальмонт К. Д. Одна есть в мире красота // Бальмонт К. Д. Стихотворения / Сост., вступит. ст. Л. Ф. Алексеева. – М., 2010. (Библиотека избранных стихотворений. XX век) .

8. Петровых М. С. Одна на свете благодать // Петровых М. С. Костёр в ночи : Стихи и пер., из письменного стола / Сост. Н. Н. Глен, А.В. Головачёва. – Ярославль, 1991.

9. Петрова Т. С. Сокровенный разговор (К. Бальмонт и М. Петровых) // Петрова Т.С. «Певучая сила» поэта Константина Бальмонта. Иваново : Издатель Епишева О.В., 2012. С. 295–301.

10. Кублановский Ю.М. Девять стихотворений // Кублановский Ю. М. С последним солнцем / Послесловие И. Бродского. Париж, 1983.С. 135 – 143.

11. Получено по телефону; нигде не публиковалось.

12. Бальмонт К.Д. Здесь и там // Бальмонт К. Д. Стихотворения / Сост., вступит. ст. Л.Ф. Алексеева. – М., 2010. (Библиотека избранных стихотворений. XX век).